

БУЛАТ ДИВАЕВ

Девичья гора

РОМАН

Булат Диваев

Девичья гора. Роман

«Издательские решения»

Диваев Б.

Девичья гора. Роман / Б. Диваев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838744-9

Топорнины, Грибушины, Стреляевы — что может общего в этих фамилиях?
Село! Село, которое основали Топорнины, возвеличили Грибушины,
прославили Стреляевы.

ISBN 978-5-44-838744-9

© Диваев Б.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Часть первая	6
Часть вторая	12
Часть третья	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Девичья гора

Роман

Булат Диваев

© Булат Диваев, 2017

ISBN 978-5-4483-8744-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Часть первая

Весело шурша колёсами по недавно присыпанной гравием дороге, упряжка лошадей уносила подполковника Топорнина Андрея Степановича в их родовое гнездо, деревню Степановку, которую три десятка лет назад основал его отец, капитан Степан Егорович. Деревенька располагалась в семидесяти верстах от Уфы, столицы края, на берегу реки Белой. Степан Егорович 1790 году получил часть этих земель за верную службу императрице Екатерине и за доблесть, проявленную в войнах с турками. Некоторое время спустя Степан Егорович к землям, жалованным императрицей, прикупил у башкир-канлинцев и прилежащие территории. Поначалу на пригорке, возвышающейся над всей округой, был возведен дом, срубленный из дубов урочища, расположенного на северном склоне пригорка. А затем он, Андрей, вступив в права наследника после смерти отца, выписал из Петербурга архитектора, который и построил настоящий дворец, с фонтаном, с конюшнями для рысаков и высоченной крепостной стеной. Издали дворец казался замком, главенствующим над всеми землями, поддающимися взору с его стен. Их матушка, Афимия Алексеевна, из рода касимовских татар – дворян Кашаевых, пережившая мужа на добрый десяток лет, не могла нарадоваться этому архитектурному шедевру, ставшему украшением этих диких мест.

Андрей Степанович был в превосходном расположении духа. Его, потомка казанских мурз, а ныне русского дворянина, участника войны с французами, избрали распорядителем бала в честь императора Александра I, который путешествуя по России, ехал в Уфу. Император уже посетил Оренбург. А вскоре должен был прибыть в Стерлитамак. Заблаговременно оповестив дворян края, а также иных важных персон о предстоящем бале, подполковник мчался в свое имение, чтобы забрать супругу, Анну Петровну, выехавшую на летний отдых, с собой в город. Кроме этого, ему было необходимо лично проинспектировать ход строительства дороги, по которой император должен был ехать из Уфы в Бирск, уездный город, к которому относилась и Степановка. К тому же, дорога проходила вдоль их границ, поэтому Андрей Степанович счёл необходимым выставить свои владения в выгодном свете и крестьяне должны были облагородить участок дороги вдоль его земель. Для этого были приготовлены саженцы молодых берёз и елей, которые ждали своего часа в Степановке. Вдобавок надо было строго настроено предупредить старосту, чтобы не вздумали подавать жалобы или того хуже выкрикивать крамольные словечки. И потому, следовало отобрать доверенных людей, которым будет дозволено стоять у дороги и выкрикивать заздравные призывы. Всё должно было быть благо-чинно.

Въехав в село, Андрей Степанович перекрестился, глядя на Покровскую церковь, которую он построил в честь победы над французами после возвращения с войны. Церковь располагалась недалеко от имения, являясь как бы продолжением архитектурного ансамбля, украшающего пригорок. Не успела карета остановиться, как к ней подбежали несколько человек из числа дворовых, которые подхватили барина под руки и помогли выйти.

– С прибытием, Ваше превосходительство! – проорал под ухо подполковнику рослый крестьянин, который был сельским старостой. Андрей Степанович сельских старост старался назначать из отставных солдат, которым посчастливилось вернуться после службы государю в родные края. Они были обучены порядку и грамоте, да к тому же знали, что такое верность

присяге. Вот и этот был из их числа. Андрей Степанович вновь перекрестился, повернувшись в сторону церкви, и проговорил:

– А почему не порядок в имении? – и недовольно посмотрел на старосту.

– Как не порядок, Ваше превосходительство? – староста аж вытянулся в струнку. – Как не порядок, ась?

– А так не порядок, что дети малые бегают по улице. Али много их у нас наплодилось? Давно не торговали? Проследи, чтоб более такого не случилось! – Андрей Степанович погрозил старосте пальцем, выражая тем самым свое крайнее недовольство. Но его угроза была больше связана действительно с беспокойством за детишек, которые выскочив перед каретой, махали руками и приветствовали барина, при этом совершенно позабыв об осторожности. Какой-нибудь малец, зазевавшись, мог легко попасть под колеса.

– Слушаюсь, Ваше превосходительство!

А из дома уже выбежали дети самого Андрея Степановича и выстроились как на парад у входной двери под предводительством гувернантки. А за ними по лестнице спускалась и супруга подполковника, Анна Петровна.

– Здравствуйте, душа моя, матушка Анна Петровна! – поприветствовал Андрей Степанович супругу.

– С приездом, батюшка Андрей Степанович! – Анна Петровна раскрыв объятия, пошла вперед и обняла мужа. А за ней и дети, дочери Мавра с Катериной, кинулись к отцу.

– А я к вам с доброй вестью! – Андрей Степанович повернулся и громогласно объявил – Едет государь наш, император Александр Павлович в Уфу. Да будет бал, на котором буду я предводительствовать!

– Хвала господу, Андрей Степанович! – Анна Петровна перекрестилась, прижавшись к супругу, вскинула голову и глянув ему в глаза, продолжила, – За верность твою да за заслуги перед государем удостоился ты чести великой! Неужели самого императора суждено будет увидеть да привечать?!

– В точности так, матушка, – Андрей Степанович приосанился, – на балу и ты с доченьками присутствовать обязаны. А потому надобно нам вскоре выехать в Уфу, чтоб не ударить лицом в грязь перед самим императором. Мастерские в Уфе уже извещены и наряды пошлют не хуже чем в Петербурге! – Андрей Степанович важно глянул на дворовых и повернулся к дому. – Идемте в дом, там договорим. А ты, – обратился подполковник к старосте, – собери-ка недоимки. Да глянь, нет ли бездельников, от коих избавиться бы пора. Бал дело не шуточное. А ввечеру прибудь ко мне, дам тебе поручения.

*

На бал в честь приезда императора съехалось всё дворянство уфимского края. Офицерские мундиры и мундиры гражданских чинов многоцветным пятном мельтешили в ослепительной белизне дамских платьев. Сверкание брильянтов ожерелий и перстней, рубинов и сапфиров на орденах бесконечной каруселью кружило в танце под светом тысяч свечей. Веера барышень, порхая, словно крылья бабочек, вели свой бессловесный разговор, а юноши терялись в попытках разгадать их тайный смысл. Доброе расположение государя, которому определенно понравилось в Уфе, источало вдохновение для юных кавалеров и провинциальных красавиц, впервые попавших на столь знаменательное торжество, которое могло случиться лишь раз в жизни. И то не всегда и не для всех.

Император стоял в окружении высшего слоя уфимской аристократии и местных сановников. Князья и графы, генералы и тайные советники смешавшись с прекрасными женщинами, плотным кольцом обступили Александра Павловича. В светло-сером мундире полковника

Уфимского полка государь выделялся своим богатырским телосложением. Будучи на голову выше обступивших его персон, Александр I с интересом наблюдал за танцующими парами и одновременно вел беседу с несколькими собеседниками. Не прерываясь от лицемерия бала, он ловко вворачивал остроты в разговор, ненавязчиво делал комплименты дамам. При этом император был одет весьма скромно, без множества орденов и украшений. Лишь орден Св. Георгия, который он всегда одевал, болтался на шее, да лента ордена Андрея Первозванного украшали мундир. Поверх перчатки на указательном пальце правой руки сверкал перстень с брильянтом.

Императору действительно понравилось в Уфе и он был прекрасном расположении духа. Он с легкостью открыл бал, пройдя вдоль выстроившихся гостей и грациозно пригласив жену председателя уголовной палаты Екатерину Юрьеву на полонез. Юрьев же со своей дочерью встал за парой императора. За ними пошли пары губернатора, градоначальника, предводителя уфимского дворянства. Андрей Степанович вместе с другими распорядителями бала, Федором Дмитриевым и Николаем Левашовым, зорко следили за тем, чтобы пары шли строго по распisanному заранее порядку, не сбивая такта величественного шествия. Андрей Степанович выдохнул с облегчением, когда с последней нотой полонеза, как по писаному, завершилась и последняя фигура танца, а император с учтивостью, достойной лишь Его Величество, снял с указательного пальца бриллиантовый перстень и вручил его своей партнерше. Зал разразился возгласами ликования. Этим жестом император одарил своей благосклонностью не только Екатерину Юрьеву, а всех присутствующих. Стало быть, император оценил своих подданных. Стало быть, башкирская земля не зря содрогалась от его шагов. Стало быть, не зря он проехал тысячи вёрст...

...С легкостью юнца, подпрыгивая и постукивая каблуками сапогов, император танцевал мазурку. Он демонстративно одел сапоги вместо бальных башмаков, чтобы внести в бал дух озорства и свободы. Ему в определенной степени наскучил жесткий дворцовый этикет. Может и оттого пустился он в этот долгий путь, чреватый дорожными опасностями, чтобы рассеять единожды положенный распорядок его жизни. Да и разговоры, доносившиеся до дворца о бродящих по России всплесках недовольства самодержавным правлением, проявили в нём желание лично убедиться о состоянии дел государстве. Ему докладывали, что даже среди офицерства зреет заговор. И из-за этого же заговора пытались отговорить от столь долгой поездки. Но император лишь вскидывал голову и отвечал: «Как смею я, Государь российский, прятаться во дворце, когда говорят мне, что народу моему живется худо? Должен я сам всё видеть. И не в столицах. Здесь горожане избалованны. А заговорщики... Что ж, коль они и есть, то пусть проявятся. А я же посмотрю, с кем народ. Ежели со мной, то честь мне и хвала и люду российскому. А коли с изменщиками, то значит и не государь я им вовсе. Как могу я править народом, который не делит со мной мои помыслы? Я же не тиран ему...». И сейчас, он, танцуя, припоминал подробности прибытия в этот провинциальный городишко, в коем народу-то едва насчитывалось полтора десятка тысяч душ.

*

Кавалькада из карет и конных всадников, сопровождавших императора сановников, подъехала к палаточному городку, возведенному на левом берегу Белой, перед плашкоутным мостом, ведущим в город. Встречавшие выстроились в некое подобие армейского строя, и по приближении высочайшего гостя, вытолкали вперед одетого в национальный костюм башкирского старшину, вручив ему хлеб с солью.

Александр Павлович ехавший верхом на белом коне, остановил коня напротив башкира, и не слезая с коня принял в руки кусок хлеба.

– Трапезничать будем в городе! – воскликнул он, и пришпорил коня.

Из толпы встречавших выскочил офицер и крикнул:

– Ваше Величество! Спештесь! Мост шаток! Вам, Ваше Величество, лодка приготовлена!

Не пристало государю российскому пешим в города вступать! – зычным голосом крикнул император, грозно глянув на наглеца, посмеявшего остановить его, и, вновь шпоры вонзились в конский бок.

Мост и в правду был шатким. Лодки, на которые были настланы доски, плавно покачивались на речной волне. Однако при резких ударах волн, мост ходил ходуном и конь мог понести неумелого наездника. Но государю было не впервой переправляться по таким мостам. И в столице кое-где ещё сохранились подобные мосты. К тому же Александр Павлович был искусным наездником, не одну войну проведший в седле.

Успешно переправившись, Александр Павлович не стал дожидаться, когда остальные нагонят его, а направил коня к первому понравившемуся ему дому. Толпа зевак, собравшихся по случаю приезда государя не признала в одиноком всаднике императора, потому как ждали они богато украшенную лодку, на котором должны были перевезти императора через Белую. Благодаря этому случаю, Александр Павлович без задержки проехал к дому, стоявшему между двумя возвышенностями. Деревянные дома и дворовые постройки, выстроенные в змейки улиц, уходили от этой низменности в гору, где виднелась двуглавая каменная церковь. А поодаль от этого, в два этажа дома с балконом, рубленного из сосновых бревен, стояла небольшая деревянная церквушка, на подворье которой собрались, одетые в военные и гражданские мундиры, люди. Александр Павлович, спешившись, перекрестился, повернувшись лицом к церкви, а затем постучал в ворота дома.

– Кто там? – послышался мужской голос из-за ворот.

– Император – кратко ответил Александр Павлович.

– Пошуткуйте, пошуткуйте! Их благородия любят шутников пороти! – проговорил тот же голос и ворота распахнулись.

Увидев человека в армейском мундире, стоявшего перед их воротами, открывавший ворота мужичок испуганно стал вглядываться в его лицо, и признав императора с ужасом на лице бухнулся на колени.

– Простите великодушно, Ваше императорское Величество! Не со зла я... – тихо приговаривал мужичок, не смея поднять голову.

– Встань! – повелительно произнёс Александр Павлович. – И изволь доложить, кто таков? Мужичок проворно вскочил на ноги, надеясь на государево прощение.

– Холоп, ваше Величество. Холоп полкового атамана Патронина – скороговоркой произнёс он и на миг задумавшись добавил, – И Ваш покорный слуга.

– Хорошо! Тогда послужи государю российскому и сопроводи меня в дом, да доложи хозяевам о моем визите.

– Ваше Величество, их благородие атаман государь-императора, встречать изволят. Вон там, возле церковки.

– Так сам спроводи меня в дом, а кого-нибудь из дворовых направь известить хозяев о моём прибытии. – сказал император, улыбнувшись лишь краешком губ от того, что ему удалось ловко ускользнуть от попечения местных властителей. Он обрадовался случаю поговорить с людьми без посторонних глаз, открыто и непринуждённо.

*

Атаман Патронин, гнавший французов под императорскими знаменами в Уфимском полку, живо вёл беседу с государем, красочно описывая местное житие.

– А по весне, Ваше императорское Величество, река разливается так, что с крыльца можно рыбу удить, ей-богу. Да жаль, водица больно мутная по весне, рыба наживку не углядит. Благо, дом наш на возвышении стоит, а то при хорошем разливе-то можно и до матушки – Волги уплыть, как на баркасе, а там и до Дона недалече.

– Неужель так близко вода подходит? До реки с версту будет, а то и больше – промолвил император, подойдя к окну.

– Истинный крест, Ваше Величество! – атаман тоже подошёл к окну и встал рядом с государем. – Вон, видите колышки? Это мы отметку поставили, до куда в этом году вода дошла. А в прошлом году вода поближе стояла, шагов на двадцать к дому.

– А скажи, атаман, что это народ у твоего дома собрался? – император кивнул в сторону толпы людей, собравшейся на улице.

– Народ желает изъявить благодарность за оказанную честь нашему городу, Ваше Величество! Ваш приезд знаменует новую веху в нашей жизни. Никогда ещё монаршья поступь не содрогала наши улицы. Окажите милость, Ваше Величество, подайте знаки Вашего внимания народу уфимскому.

– А выйдем-ка к народу, атаман. Что ж я как затворник буду ручкой из-за окна махать. Извольте, сударь, сопроводить меня во двор.

– Ваше Величество, балкон! – торопливо произнёс градоначальник, – Вам с него удобней будет разговор вести. И весь народ, собравшийся лицезреть, Вас, Ваше Величество, будет иметь тому возможность.

Идём, атаман, на балкон – приняв предложение градоначальника, произнёс Государь и решительно направился за атаманом, который уже открывал дверь в следующую комнату, ведущую на лестницу.

Народ, собравшийся у дома атамана, увидев Александр Павловича, вышедшего к ним, хлынул ближе, смяв жиденькую цепь полицейского кордона.

«Государю Александру многие лета!» – послышался чей-то возглас. Толпа мгновенно подхватил этот выкрик, и разноголосый хор взревел на всю придворовую площадь: «Государю Александру многие лета!».

Император же,ждавшись, когда возгласы стихнут, почтительно поклонился собравшимся. Не ожидавшие такого великодушия, люди как один упали на колени. Удивительная тишина стала над площадью. И как гром прозвучал голос императора среди этой тишины:

– Встань, народ уфимский! – по щеке императора незаметно стекла слеза. Не выдав своего волнения от нахлынувшего чувства искренней благодарности этим простым людям за веру в него, император чуть тише повторил, – Встань!

И встали люди, не смея произнести слова при виде того, кто мог одним мановением руки решить судьбу не только их, но и целых стран, а то и всей Европы. А император, в молчании ждавшись, когда люди встанут и успокоятся, произнёс:

– И вам многие лета, люд уфимский! – и Александр Павлович приветственно вскинул руку.

Народ же стоявший внизу разразился воплями ликования. Многотысячный хор воскликнул: «Ура!» Их, простолюдинов, приветствовал сам император, прогнавший французов и поко-

ривший европейские столицы своим благородством. Александр Благословенный, так его прозвали в народе. И он сейчас внимал им, уфимцам.

– Любо ли жить вам при моем царствовании? – внезапно спросил государь.

Люди не ожидавшие подобного обращения к ним на миг, краткий миг, ошарашенно притих, но затем разногласица разнеслась по улице: «Любо!», «Любо, Ваше Величество!», «Государю-императору слава!».

– Не притесняют ли вас, нет ли обиды, вражды и недовольства меж вами и моими сановниками?

«Нет, батюшка – государь!», «Любо нам жить под Вашей десницей!» – разнеслось вновь.

– Вот и славно! – император довольно улыбнулся и продолжил – А у кого есть какие обиды, извольте обратиться к моему адъютанту. Не утаите от меня никаких помыслов своих. Лишь благодарность мою получите, да помощь, ежели кто из вас доведет до меня непотребства какие, чинимые моими недоброжелателями.

Часть вторая

Андрей Степанович был на самой вершине своего счастья. Бал, данный в императорскую честь, превзошёл все его ожидания. Удостоившись чести получить слова благодарности от Его Величества, Андрей Степанович, одряхлевший было за дни и недели, проведенные в хлопотах по случаю посещения государем Уфы, после слов императора вновь повеселел. Он словно помолодевший, стал посещать балы и приемы, где все разговоры стояли о столь величественном происшествии в жизни города.

Однако время нещадно шло, не помышляя и замедлить свой ход. Стали стираться с памяти и подробности посещения монархом Уфы. Заложенное императором строительство собора Александра Невского приостановилось по причине отсутствия денег. Да и зима была столь суровой, что все потуги хоть какими либо работами доложить в столицу об успешной стройке, разбивались о трескучие морозы. Но, всё же на дворянском собрании было принято решение, дабы увековечить случай монаршего визита, собрать с мира деньги и достроить собор.

С наступлением весны Андрей Степанович со своим семейством выехал в имение, где собирался провести всё лето и осень. Летней порой он хотел закончить постройку небольшой пристани лодочных прогулок. Берег Белой за барским домом был очень крут, в вот в низине, в месте слияния к Белой небольшой речушки Кудушлы, берег образовывал небольшой песчаный пляж, с полверсты в длину. Вот там-то и наметил постройку Андрей Степанович.

Однако ж, лето в том году выдалось холодным и дождливым. Вода в Белой не спадала и волны омывали берег намного ближе к суше от намеченного места строительства. Приняв это за знак, Андрей Степанович смекнул, что нужно сделать насыпь, укрепить берег валом и только после этого вбивать сваи. Года бывают разные, когда засушливые, а когда и дождливые и для того чтобы не зависеть от прихотей природы, нужно было строить основательно. Всё лето крестьяне, освобожденные от барщины свозили на запряженных в телеги волах, речной песок. А дабы волной не смыло песок в реку, поверх укладывали бутовый камень, которого в округе было множество. И лишь поздней осенью, когда земля начала промерзать, а с неба посыпались искринки снежинок, пристань была готова.

– Слава Богу, управились! – произнёс Антон Степанович, глядя на то как крестьяне забивали последние гвозди в поручни пристани. – Жаль, погодка испортилась, ветерок поднялся. Можно было бы и сейчас рискнуть, прокатится на лодочке.

– А что, Ваше превосходительство, может рискнуть, да нам с мужиками на лодочке-то прокатиться? – спросил барина староста. – Ветерок-то крепчает, да мы справимся, небось.

– Нет, уж, уволь. Я сам первый должен на воду лодку спустить и на ней прокатиться. – Андрей Степанович как бывалый моряк засунул указательный палец в рот, и посплюнявив его, вытянул руку наверх. – Ан, нет, ветер в самый раз. Кликни-ка мужикам, пусть лодку тащат.

Андрей Степанович прошел по ступеням вниз и стал дожидаться, когда лодка будет доставлена к пристани. Он нагнулся и поплескал руку в воде. Вода была ледяной и он одернул руку, как обжогшись.

– Несут, Ваше превосходительство, – донесся сверху голос Степана.

Андрей Степанович посмотрел наверх и одобрительно кивнул головой.

Спускайся, Степан. Совершим приключение, погуляем по воде.

– Есть, Ваше превосходительство, – отчеканил старый солдат и стал спускаться по лестнице. При этом он ловко управлялся одной рукой, так как вторая его рука осталась на полях смоленщины, в битвах при отражении иноземного посягательства на Россию. Его, своего солдата и крепостного крестьянина, Андрей Степанович вылечил и отправил домой на свои деньги. А сам барин долго ещё служил в армии, вернувшись домой лишь после французской компании в восемьсот пятнадцатом году, при погонах подполковника и звездой Св. Владимира на груди, который стал вторым боевым орденом после Св. Георгия, полученным ещё за персидский поход при императрице Екатерине в семьсот девяносто пятом году.

– Да поторопи этих бездельников. Замерз уже, их ожидаючи. – Андрей Степанович уже пожалел, что легко оделся. На нём была лишь тоненькая офицерская шинелька, а в пору было одевать тулуп. Да и на голове, была лишь фуражка.

Наконец донеслось кряхтение мужиков, которые несли посудину, на которой легко могли разместиться пять взрослых человек. Обвязав лодку веревкой, мужики стали осторожно её спускать на воду, боясь ненароком выронить её и окатить барина ледяной водой. Когда лодка опустилась на воду, мужики натянув верёвку, подтащили её к пристани.

– С Богом! – произнёс Андрей Степанович и ступил на борт посудыны. За ним следом взошёл Степан и ещё двое мужиков, которые взялись за вёсла. Андрей Степанович сел ближе к носу лодки, а Степан уселся на корме, за правилом.

Оттолкнувшись от берега веслом, мужики стали грести. Лодка качалась на волнах, поднятых ветром, и кружила от того, что мужики не были приучены грести вровень. Один из них, широкоплечий, коренастый Ванька загребал в полную силу, опуская вёсла глубоко в воду. А мужичок помельче, но по-шустрее, Сёмка, грёб часто, но поверху воды.

– Стоять, – заорал Андрей Степанович. – Вы сейчас меня туточки и утопите! А ну-ка Степан, как в полку, на «Ать-Два», задай им шаг. На «Ать» веслами взмахивайте, а на «Два» гребите. Степан, команду «Два» по-протяжней давай, по-протяжней.

– Слушаюсь, Ваше превосходительство! – Степан приосанился и как командир начал чеканить – Ать, два-а, ать, два-а.

Лодка от равномерного гребка пошла, встав носом по течению, более менее плавным ходом.

– Заварачивай, Степан, заворачивай! – Снова закричал Андрей Степанович. – Против течения надобно их обучить, а по течению на скорости, с лихостью, к пристани подойдём!

Степан же услышав команду, резко повернул правил, отчего лодка накренилась, мужики на веслах повалились на левый борт и лодка зачерпнула воду. Вскочив на ноги, побоявшись промочить ноги в ледяной воде, мужики ещё больше распатали лодку. Она накренилась на правый борт, затем на левый, и когда она пошла на правый борт, все повалились в ту сторону. Лодка от такого груза накренилась ещё сильнее и через миг перевернулась.

Андрей Степанович забарахтался в воде, пытаясь поплыть, но промокшая шинель и сапоги тянули вниз. «Погиб! Как есть, погиб! Погиб как самоубивец! Хуже! Утоп!» – успел подумать Андрей Степанович в тот миг, когда вспенившая волна накрыла его с головой.

*

– Слава Богу, очнулись, батюшка наш родимый, Андрей Степанович! – послышался глухой, как в тумане, голос. Он попытался поднять голову, чтобы разглядеть говорящего, но это ему не удалось. Вместо этого он закашлялся и упал на подушку.

– Лежи, лежи, Андрей Степанович. Слаб ты ещё. Да слава господу, жив остался! – вновь запричитал кто-то и Андрей Степанович больше понял, чем распознал по голосу, что это Анна Петровна говорит с ним.

– Голубушка, Анна Петровна, – едва различимым голосом произнёс Андрей Степанович. – Жив ли я? Али это мороки мне привиделись, будто утоп я?

– Жив, жив! – проговорила Анна Петровна и упала головой на грудь мужа. Она провела рукой по его гладко выбритой щеке рукой, боясь что Андрей Степанович вновь уйдет в беспомыслие. Слёзы потекли по её лицу, когда Андрей Степанович шелохнувшись, приподнял руку и прижал её ладонь к своему лицу. – Миленький мой, Андрей Степанович, не покидай ты нас, батюшка. Доктор уже прибыл из города и вот-вот осмотрит тебя. Ты только терпи... – Она снова прильнула к груди супруга...

... Доктор осмотрел Андрея Степановича, то поднимая и опуская его руки, как у куклы, то прикладывая свою серебрянную трубочку к груди и спине, без почтения переворачивая его. Осмотрев больного доктор поднялся, развел руки в стороны и сказал:

– Андрей Степанович ещё очень и очень слаб. Потому накладываю запрет на посещение его превосходительства всякими, кто будет при нём разговаривать. Разговорами мы его состояние не облегчим, а слабости добавить можем. Потому, с сего дня к нему окромя меня никого не пускать. Даже кормить его буду сам. А вы, Анна Петровна, в том мне поможете. Вы согласны?

– Как же, сударь, конечно согласны. Только уж вы не покидайте нас... – скороговоркой произнесла Анна Петровна.

– Я буду здесь столько, сколько потребуется для полного выздоровления их превосходительства. Андрей Степанович застудил легкие, потому лечение будет долгим. Буду только рад, если к весне их превосходительство встанет на ноги.

Но, не смотря на все тревоги и предостережения доктора, Андрей Степанович к Рождеству встал на ноги. Хоть он был ещё достаточно слаб, но уже уверенно ходил и даже весело напевал. В один из дней Андрей Степанович приказал заложить ему повозку.

– Зачем это, батюшка? – спросила Анна Петровна.

– Как же, голубушка, Анна Петровна? Должен я проведать спасителя своего, Ваньку. Не будь его рядом, утоп бы я. – ответил Андрей Степанович, глядя на Анну Петровну несколько укоризненно.

– Так зачем же Вам, сударь, ехать для этого? Прикажите и прибудет он в Ваши палаты.

– И то верно, да только хотел бы поблагодарить его при семействе его да при народе. Дабы не кружили кривотолки о моей беспомыслии.

– Что ж, воля Ваша, Андрей Петрович. Да только разрешит ли доктор? – Анна Петровна пожала плечами.

– А я и говорить ему не стану. И Вы, голубушка, будьте добры, не обмолвитесь о моем отсутствии при нем ненароком.

С этими словами Андрей Степанович направился к черному ходу, откуда обычно ходили дворовая челядь. На задворках уже стояла в ожидании упряжка коней, запряженных в карету на сани. Приказав кучеру править коней к дому Ивана, Андрей Степанович уселся в карету.

Подъехав к дому Ивана, расположенного на другом берегу Кудушлинки, на самой окраине деревни, Андрей Степанович вышел из кареты и стал с интересом разглядывать его дом. Он обычно не обращал столь пристального внимания крестьянским постройкам, и теперь он с недоумением разглядывал дом. Серые, скорее даже чёрные, стены бревенчатого дома, стояли

прямо на земле. Никакого фундамента или чего-то в таком роде не было и в помине. Одно небольшое окно, затянутое обработанной до полупрозрачности шкурой какого-то животного, глядело в сторону улицы. Крыша, крытая соломой, была сложена наподобие пирамиды и имела четыре ската, посреди которой виднелось отверстие, из которого вился дымок. Заслышав звуки остановившейся кареты, все обитатели дома высыпали на улицу. Первым шёл Ванька, а следом какая-то старуха, видимо жена, и целая орава детей. Увидев самого барина, стоявшего у их изгороди, всё семейство повалилось на снег.

– Прости, барин, кормильца нашего, не губи! – запричитала старуха, стоя на коленях и заливаясь слезами. Вслед за ней начали завывать и дети.

– Встаньте, встаньте, – обескураженно проговорил Андрей Степанович. – За что мне губить вас? Нежели я деспот какой?! – удивлялся подполковник.

– Как же, барин, – говорила старуха, вставая с колен и утирая краем платья слёзы. – Говаривал давеча десятник, что за то, что покушался на Вашу жизнь холоп Ваш, продадите его, Ваньку стало быть, за бесценок на базаре. А перед тем велите пороть до полусмерти.

Андрей Степанович расхохотался так, что дети от испуга сбились в кучку, а старуха перекрестилась. Ванька же стоял опустив голову, не смея и глянуть на барина, переминаясь на босых ногах. Его широченные плечи подёргивались, дрожа, то ли от страха, то ли от мороза.

Перестав смеяться Андрей Степанович огляделся по сторонам, и заметив, что из других домов тоже повылазили крестьяне, он взмахом руки подозвал их. Заметив повелительный жест хозяина, крестьяне подбежали и столпились у кареты.

– Слушай меня, Ванька! – Андрей Степанович поднял вверх руку, чтобы все замолчали. Ванька же поднял голову и посмотрел на барина покрасневшими от слёз глазами. Барин же продолжал – Слушай меня и остальной крестьянский люд. – Андрей Степанович ещё раз оглядел всех и проговорил – За то, что спас меня от смерти позорной, да не растерялся в минуту погибельную, кланяюсь тебе, Иван, в пояс.

Несмотря на возраст, Андрей Степанович без всяких усилий поклонился Ивану и простояв несколько мгновений в поклоне, выпрямился и продолжил:

– А за верность твою, проси от меня что хочешь. Что по силам мне, то я для тебя сделаю. А что выше моих сил, не обессудь, превозмочь не смогу. Видишь сам, стар я для переусердствований. – Андрей Степанович широко улыбнулся, а люди увидев доброту господскую, стали смеяться.

Иван же и его семейство, стояли в растерянности, не зная смеяться ли им, либо же барин насмехается над ними же. Видя их растерянность, Андрей Степанович, вновь повторил:

– Проси чего хочешь, Ванька! Хочешь вольную? Так подпишу тебе вольную. Хочешь денег? Дам тебе их столько, сколь сможешь унести! Только проси!

– По что мне вольная, барин? Мне и так вольно живется. Семейство мое со мною рядом и ладно. Детишки вон ко мне жмутся, и то мне в радость – и Ванька прижал малышей, обнявших его за ноги, к себе.

– Ладно, Ванька, будь по твоему. Не хочешь вольной, так я тебя иначе отблагодарю. – Андрей Степанович повернулся лицом к толпе, которая теперь и вовсе сходила с ума от непонимания происходящего. С чего это Ивашка отказался от вольной? Как он мог не принять деньги, дарованные барином? И что барин удумал?

– Слушайте все! Я, столбовой дворянин, Топорнин Андрей Степанов сын, освобождаю своего холопа, Ваньку, от барской подати навеки! Да запрещаю предавать порке его самого, и жену его и детей их на такой же срок, то есть навеки! Также, жалую ему денежный пенсион суммой в сто рублей ежегодно! А кроме того, за господский счёт, построить ему дом на горе, с окнами из стекла, да с фундаментом из камня! А более того, разрешаю детям его учиться

грамоте в барском дворце, а по достижении ими зрелого возраста имеют они право откупиться от крепости моей безвозмездно с сохранением земельного надела в одну десятину каждому! А самого Ваньку назначить старостой вместо утопшего Степана! И быть посему по воле моей, да воле Божьей! Аминь! – Андрей Степанович с этими словами перекрестился.

Когда замолк голос Андрея Степановича, установилась такая тишина, что если мухи летали бы зимой, то и взмах их крылышек показался бы шумом урагана. Сказанное было настолько величественным, что казалось и цари не облагоденствовали бы так бедного крестьянина, который от бросившего его в жар слов барина, не чуял мороза босыми ногами и перестал пританцовывать. А старуха, жена Ивана, валялась на коленях и теперь уже вне себя от счастья, свалившегося в их дом, тихо бормотала:

– Спаси Вас Бог, за милость Вашу, Андрей Степанович! Прости нас, ума лишенных, за слова бесстыжие, и за то, что повелись на наветы черные!

Андрей Степанович же развернулся и подозвал к себе Ивана:

– Сегодня же придешь в усадьбу и получишь поверх сказанного одежду теплую, да обувь себе да детишкам с женою. А завтра поутру примешь заботы старосты на свои широкие плечи.

– Есть, Ваше превосходительство – подражая покойному Степану, отрапортовал Иван.

– Ну, с Богом! – и скинув с плеч тулуп, Андрей Степанович протянул его Ивану. – Бери и ступай в дом, замерз уже.

– А Вы, Ваше превосходительство, барин, сами-то как опосля болезни? Застудитесь ещё, не приведи господь!

– У меня в карете резерв имеется, – проговорил Андрей Степанович усаживаясь в карету. И для успокоения совести Ивана накинул на плечи второй тулуп, лежавший на сиденье вместо пуховой перины. Он было приказал кучеру гнать к усадьбе, но что-то вспомнив открыл дверцу кареты и высунув голову крикнул, – А десятника того пороть, а опосля отдать в солдаты! Видеть его не желаю!

По вечерам в комнате Андрея Степановича собиралось всё большое семейство, и скучные, промозглые зимние вечера превращались во время жарких дискуссий, бурных разговоров, приятных воспоминаний. Дмитрий Андреевич, младший сын Топорнина служил в чине корнета в гусарском полку и увлеченно рассказывал о скачках, конных баталиях, о превосходстве кавалерии перед пехотой. Андрей Степанович же, весь век служивший в пехоте, напротив превозносил свой род войск, не даром прозванной царицей полей.

– Где кавалерия увязнет, кони падут, то там пройдет пехоты русской воин. А ваши сабельные атаки отобьёт, встав в каре, плечом к плечу и штыками заставит вас отступить. – говорил Андрей Степанович, насмешливо посматривая на сына.

– Да как же, батюшка, отобьет, коли мы на полном скаку сломаем строй, да айда крошить в капусту, – Дмитрий Андреевич махнул рукой, будто держал в руке саблю.

– А так, как мы в двенадцатом году батарее генерала Раевского при Бородине отстояли. Выбили поначалу французишек, да штыками кавалерию Мюрата и опрокинули. Вот так-то, корнет, – Андрей Степанович протянув руку, потрепал сына за плечо. – Молод ты ещё, не повидал с моё.

– А доведётся повидать, так батюшка, не посрамлю я тебя. Вот те крест, – взволнованно вскочив на ноги, ответил Дмитрий на слова отца. – Мы вашей славою вскормлены, и души наши пропитаны духом Бородина!

– А вот за слова эти, благодарю, сын. Если так говоришь, значит доброе о нас, старых солдатах, имеешь представление. – Андрей Степанович с одобрением посмотрел на сына и сильнее прижал к себе младшую дочь, свою любимицу Катеньку, сидевшей у него на коленях.

Андрей Степанович с Анной Петровной нарекли младшенькую в честь императрицы Екатерины, одарившей их род этими землями, да наградившей Андрея Степановича орденом Св. Георгия IV степени.

– Что ж, вечер был хорош своею темою, однако ж Вам, Андрей Степанович, надобно отдохнуть. Да и поздно уже. – произнёс доктор, Артемий Ильич, вставая из-за стола. За ним поднялись и остальные, прощаясь с Андреем Степановичем на ночь.

*

В конце декабря, под самые новогодние празднества в имение Топорниных приехал старинный друг Андрея Степановича помещик Левашов, отставной капитан лейб-гвардии гренадерского полка, наряду с ним бывший распорядителем на императорском балу. Имение Николая Сергеевича располагалось в Стерлитамакском уезде, за две сотни верст от Степановки и потому было столь удивительно его появление у Топорниных.

– Андрей Степанович, голубчик! Прости уж, ради Христа, не ведал я о твоей болезни. Потому и не мог приехать. А вчерась, в Уфе, как мне сказали, что ты болен, так я напрямик сюда, в Степановку. – приговаривал отставной гвардейский капитан, входя в покои Андрея Степановича.

– Увольте, Николай Сергеевич! Что за хлопоты из-за моей скромной персоны. – Андрей Степанович шёл на встречу своему приятелю, раскрыв руки для объятия.

– Приятели приблизившись друг к другу, подали руки для рукопожатия, а затем крепко обнялись. Андрей Степанович радостно глядел на своего младшего товарища по оружию, всё же он на два десятка лет был старше. И потому мог по отечески пожурить и похвалить его.

Однако вместо хвалебных слов, Андрей Степанович всё же немного шутя, но с большой долей правды, произнёс:

– Запустил ты себя, Николай Сергеевич! Вскоре и меня догонять будешь на вид. Дряхлеешь телом-то.

– Эхе-хе, Андрей Степанович, как не дряхлеть, когда дела такие творятся в государстве российском! – Николай Сергеевич горько вздохнул.

– Какие такие дела творятся на России-матушке? – встревожился Андрей Степанович. – Уж не неприятель ли на нас войной пошёл?

– Как? – воскликнул Левашов – Вы не знаете что за происшествие произошло в Петербурге после кончины императора?!

– Император скончался? – обеспокоено спросил в ответ Андрей Степанович – Император Александр Павлович скончался? – слабеющим голосом переспросил он вновь и присев на стул, закрыл лицо руками и горько заплакал. Для него это был удар, которого он никак не ожидал. Государь, под знаменами которого и с которым во главе русская армия дошла до Парижа, освободив Вену и Берлин, Будапешт и Варшаву от нашествия яacobинцев-французов, государь, с которым русские солдаты делили огонь пылающих яростью сердец и холод смертельных ран, победы и поражения, скончался?! У Андрея Степановича закружилась голова, он начал валиться со стула и Николай Сергеевич подхватил его на руки. Усадив Андрей Степановича обратно на стул, Левашов громко крикнул:

– Эй, кто-нибудь, помогите!

От его громкого крика Андрей Степанович открыл глаза и тихо прошептал:

– Не надо, Николай Сергеевич, голубчик, не надо. Я старый солдат, как и ты и с честью вынесу этот удар. Позора в слезах солдата от вести о смерти любимого главнокомандующего нет. – Андрей Степанович потрянул головой, глубоко вздохнул и поднялся. Левашов взяв друга за локоть помог ему дойти до постели.

– С твоего позволения, Николай Сергеевич, я прилягу. А ты рассказывай, как это случилось. Отчего государь наш Александр Павлович, скончался? – Андрей Степанович прилег на постель, и прикрыв глаза приготовился слушать. В этот миг дверь распахнулась и в барские покои вошли сын Дмитрий и супруга Анна Петровна.

– Что случилось? Нам со двора послышался крик о помощи. – проговорила Анна Петровна, встревоженно поглядывая на Андрея Степановича и Николая Сергеевича.

– Не беспокойтесь, голубушка. – Андрей Степанович приподнял голову и открыв глаза посмотрел на супругу. – Со мной всё хорошо. Мне несколько дурно стало от вести, которую мой друг, Николай Сергеевич, изложил в сей миг. Крепитесь, матушка, – Андрей Степанович взглядом указал Анне Петровне на стул, садись мол, и дождавшись, когда Анна Петровна сядет, выдохнул – Осиротели мы, матушка! Император российский Александр Павлович оставил этот мир...

Анна Петровна от этого известия ахнула, а Дмитрий Андреевич вскинул голову и вопросительно уставился на Левашова.

– Да, да, господа. К величайшему сожалению, Александр Павлович на пути в Ливадию скончался в Таганроге. Да упокоится он с миром! – с этими словами Левашов перекрестился.

Вслед за ним прошептав те же слова, перекрестились и остальные. Анна Петровна встала со стула, подошла к постели и присела на её краешек, положив руку на грудь мужа. Зная, с каким священным трепетом относился её муж к персоне императора, она прочувствовала всю тяжесть горя, свалившееся на него.

– Андрей Степанович, право слово, я не знал о том, что ты не был извещён об этом горестном событии. Ты уж извини меня, что я так нелепо проговорился. И вы, Анна Петровна, не обессудьте, что не расспросил Вас заранее об этом. – Николай Сергеевич с недоуменным выражением лица стоял у кровати друга. В другую минуту было бы смешно смотреть на этого рослого, под три аршина, человека, который стоял, как нашкодивший ребенок с понурой головой и шмыгал носом. Да только сейчас было не до смеха.

– Николай Сергеевич, нет вины Вашей в том. Это я, старая, не додумалась Вас предостеречь. Нам-то с неделю будет, как донесли о кончине государя. Да я не захотела тревожить Андрея Степановича. Вы же знаете, он горяч и скор на поступки. Вот и побоялась, что он, не окрепнув здоровьем, кинется в Петербург, проводить Государя в последний путь.

– И сейчас кинулся бы, да знаю, что поздно уже. – Андрей Степанович с укором посмотрел на Анну Петровну. – Ах, государь наш, Александр Павлович... – Андрей Степанович не договорил и вновь прикрыл глаза.

– С твоего позволения, друг мой, мы удалимся с Анной Петровной, а ты отдохни, вечером поговорим ещё. Есть о чём... – Николай Сергеевич ещё больше ссутулился и направился к двери.

– Что ж, ступайте. Да, Аннушка, распорядись, душа моя, чтобы снесли мне водицы. Больно уж давит в груди.

– Я сама сей же миг Вам принесу, Андрей Степанович, а Вы лежите. Дмитрий, – обратилась она к сыну, – Побудь с Андрей Степановичем, я скоро приду.

Когда дверь за Анной Петровной закрылась, Андрей Степанович повернулся и открыв глаза уставился в стену. Прележав в таком положении некоторое время он обратился к сыну:

– Дмитрий, служи государю так, чтобы, ежели случится, что он погибает, мог ты сам, доброю волей своей, с легкостью за ним пойти, коли надобно станет. Не изменяй присяге! Хуже нет на свете, чем измена...

*

– Мерзавцы! Как есть мерзавцы! – Андрей Степанович возмущенно постукивая кулаком правой руки по ладони левой, ходил по своему кабинету. – Посягнуть на императора! Вместо присяги -измена! Мерзавцы!

Николай Сергеевич вечером рассказал о происшествии, которое случилось в Петербурге после кончины Александра Павловича. О том, что гвардейцы отказались присягнуть на верность взошедшему на престол Николаю Павловичу, брату почившего императора и вывели свои полки на Сенатскую площадь в знак неповиновения. Восставших разогнали, заставив огнём картечи бежать с площади. И в тот же день были произведены аресты офицеров и гражданских лиц, подговоривших солдат на бунт.

– Самое позорное, что и мой полк, лейб-гвардии гренадерский, принял участие в этом подлом деле. – возмущался вместе с другом Николай Сергеевич. – Хороши гвардейцы...

– Избаловали гвардейцев государи, ох, избаловали. Вас бы в поле, землю топтать, грязь месить, а не брусчатку площадей на парадах! – Андрей Степанович помахал кулаком куда -то вдаль, повернувшись к окну. – Вот и пожинают теперь!..

– Что ж, правда твоя, Андрей Степанович. – ответил ему Левашов, беря в руку бокал вина. – Гвардейцы не раз самодержцев на престоле меняли. Сам знаешь, – приглушив голос продолжил он – и Александр Павлович ни без их помощи на царствование взошёл. Да только не в том главное. Поговаривают, что манифест у них обнаружили, в коем они призывали отречься от самодержавия. На государственное обустройство они замахнулись! Вот что главное. Боле того, доложу тебе, Андрей Степанович, – Левашов отпил вина из бокала и поставил его на стол, на котором стояли различные кушанья. – они полагали, что необходимо наделить всех людей равными правами. Признать, что мужик и боярин равны в правах! Каково, Андрей Степанович?!

Андрей Степанович, вертя в руках пустой бокал, размышлял над словами собеседника. Действительно, думал он, не раз в российской истории бывало, что на престол восходили не по праву престолонаследия, а по праву силы. Но, чтобы вот так, призвав на бунт чернь? Нет, это было не под силу понять ему, дворянину. Это не укладывалось в его представления о дворянской чести и достоинстве.

– А ещё, – вкрадчиво говорил Николай Сергеевич, перейдя уже вовсе на шепот, – в том манифесте было сказано, что освобождают они, бунтовщики, всех крестьян от крепости.

– Что?! – переспросил Андрей Степанович, выходя из раздумий, – Что? Отпустить крестьян? Это уже с лишком! Это даже не происшествие... Это... Это... Это же революция! – уже в полный голос воскликнул подполковник.

– Вот, вот! – Николай Сергеевич пододвинул поближе к другу стул, и взяв со стола бутылку с вином разлил его по бокалам. – Мы же все всё понимаем. Гвардейцы не раз престолом баловались. Что там говорить. – взмахнул рукой он. – Да только одно дело императоров на престол сажать, а идти против самодержавия и своего же сословия – совершенно иное! На самодержавии и дворянстве вся земля русская стояла, стоит и будет стоять! – и Левашов звякнув своим бокалом об бокал Андрея Степановича, выпил вино.

Андрей Степанович тоже отпил из бокала и произнёс:

– А ведомо ли тем бунтовщикам, что поместья и крестьяне дадены нашему сословию не богатства ради, а для служения Государю и Отечеству? Чтоб могли мы, от всего отрешась, жить помыслами лишь о честном служении, да на смерть иди без страха, чтоб его, русский народ, не извели под корень изверги-нехристи? – Андрей Степанович шумно выдохнул и гордо произнёс, – Слава Богу, что нет изменников среди нас!

– Э, нет! Не скажи, друг мой! – Николай Сергеевич вскинул голову и с усмешкой произнёс, – говорят внук генерала Миллера, сын помещицы Фок, чьи имения под Уфой, лейбгвардии Измайловского полка подпоручик Александр Фок, сильно замешан в заговоре. Находится теперь под арестом в Петропавловской крепости.

– Бог мой, не может того быть! Чтобы среди наших дворян завелись вольнодумцы? Не допущу! Слава Богу, сын мой, Дмитрий, не в гвардии, а в гусарах! А помещице той, будь она трижды дочерью генерала, будет отказано в приеме в моём доме!

Часть третья

Дни, сменяя друг друга сливались в недели и месяцы. Те же в свою очередь – годы. И незаметно прошло девять лет с описываемых выше событий. Поместье Топорниных, разросшееся до трех деревень, Степановку, Андреевку и Дмитриевку, названные каждая в честь мужчин рода Топорниных, жило своей размеренной жизнью.

Крестьяне сеяли и убирали хлеб, строили дома и дороги, ходили на охоту и удили рыбу. Иван, сельский староста, постарел ему с каждым днем становилось управляться с разросшимся барским хозяйством. Благо, теперь он со своим семейством жил в просторном доме-пятистенке, построенного как и повелел барин, за господский счёт. Пensions, выдаваемого по десяти рублей в месяц, хватало на беззаботную жизнь и на учёбу детей. Младшенький его сын подавал большие надежды в учебе и когда достиг двенадцати годов, барин лично повёз его в Уфу, где отдал в ученики в купеческий дом. И теперь, Иван надеялся, что достигнув зрелости, сын откупится, как и сказывал их благодетель, да станет торговцем. На этот случай произошёл у них с барином разговор. Как-то в барской усадьбе заметил его Андрей Степанович и подзвав к себе спросил:

– Давно спросить хотел, Ванька, тебя вот о чём. Скажи мне, любезный, отчего женат ты на старухе? Прогнал бы её, что ли, да женился на молодой. Я дозволение своё дам, коли надумаешь.

– Не гневайся, барин, но не нужна мне молодая. А старая она от того, что на пятнадцать годков постарше меня будет. Она женою моего старшего брата была, а когда он помер от недуга, меня родители и поженили с ней. А она постарше моего брата годов на пять. Вот так мы с ней и прижились да свыклись. И не надобно мне более жены. – ответил своему хозяину Иван, глядя ему прямо в глаза.

– А что же дети?

– А что дети? Братины отпрыски выросли и на вас трудятся. А три младших пока им помощниками ходят.

– Стало быть не все твои дети?

– Говорю же, трое младших только мои, а остальные – братины. – не понимая, почему барин переспрашивает, проговорил Иван.

– Стало быть, я только троим твоим детям обязан дать волю, при случае? – нахмурил брови и о чём-то раздумывая, спросил Андрей Степанович.

– Стало быть так. – уныло произнес Иван. – Раз так уж вышло, что те то братки моего покойного...

– Уж взаправду испугался что ли? – рассмеялся Андрей Степанович – Не веришь слову своего хозяина?!

– Упаси Бог, Андрей Степанович! Знамо дело, слово Ваше крепкое, да что ж поделывать-то, коли правда Ваша. Только трое детей моих в семействе моём...

– Успокойся, староста! – Андрей Степанович серьёзно посмотрел на мужика и добавил – Слово дворянина крепче купеческого будет, и уж всяко крепче мужицкого. А всё потому, за своё слово дворянин жизнью своей в ответе, а купец же только своими деньгами. А за слова мужика в ответе лишь ветер в поле, коли споймаешь его. Так-то, не бойсь за детишек. Коли пожелают, то они от крепости моей, по слову моему, будут свободны. Крепко моё слово.

И теперь Иван подумывал прикупить лавочку, по достижению сыном зрелости. За остальных детей он не так болел душой, как за этого, в котором не чаял души. Те, уже взрослые и со своим семейством прикипели к селу и не желали знать другой судьбы, как работать на барской усадьбе. Кто-то из них прислуживал кучером, а кто-то стал лесничим. Все были при деле

и жили как у Христа за пазухой. А за то что им первыми разрешил барин поселиться за речкой, семейство ихнее прозвали Зарецкими.

Топорнины же большышую часть времени проводили в Уфе. Балы в перемешку делами на благо общества занимали их больше, чем состояние имения. Андрей Степанович, ввиду своего преклонного возраста, выезжал на балы крайне редко. Время не щадило и его. Он сильно состарился, от отставного подполковника и кавалера, великолепного танцора остался лишь сгорбившийся старик. Однако ж, он не подавал вида и позволял себе посетить балы в те дома, где непременно нужно было быть.

Вот и сегодня он был в доме губернатора, который созвал на бал уфимскую аристократию. Андрей Степанович станцевал лишь полонез, обязательный для всех присутствующих персон танец и теперь сидел за карточным столом, перекидываясь в преферанс с такими же как он сам стариками. Разговор за карточным столом, начавшийся с осуждения молодежи, падения нравов, перерос к новостям, доносившихся из столицы, а затем плавно перешёл в откровенное смакование слухов и сплетен, бродивших по городу.

– А вот говорят, старец ходит по России. И признают за тем старцем самого покойного императора, Александра Павловича, – говорил Воецкий, коллежский асессор, имения которого находились за Уфой, близ Степановки.

– Ох, уж эти самозванцы! – ответил со вздохом Андрей Степанович – Нет на них князя Пожарского с Козьмою Мининым!

– Не скажите, сударь – возразил Воецкий. – Этот не сам себя называет, а народ признаёт! Чуете разницу? Ходит, говорят, по Руси, да житьё народное наблюдает, дожидаясь своего часа, чтобы открыться.

– Как это похоже на наш народ. – сказал Юрьев, бывший глава уголовной палаты губернии. – Вечно выдумывает себе доброго царя-батюшку, да потом бунтует, проливая кровь и виноватого и невинного. Один Емелька Пугачёв сколько народу погубил!

– Ах, милостивый государь, – поддержал Юрьева Левашов, тоже прибывший в Уфу на зиму. – народ русский таков! Молчит себе, молчит, а потом хватить топор!

– А я вам больше доложу, – прошептал Воецкий таинственным голосом, хватаясь за ручки кресла, – Говорят, – тут он оглянулся, нет ли поблизости посторонних, и убедившись, что с соседних столов за ними не наблюдают и не могут расслышать, продолжил, – говорят, что Александр Павлович, царство ему небесное, не помер вовсе, а решил замолить грех отцеубийства, а потому и пошел в странники – отшельники. И имя себе взял Федор Кузьмич. Сказывал нынче ротмистр один, что квартировал у нас, что сам император Николай Павлович соизволил иметь с ним беседу.

– Это уж Вы, любезный Николай Григорьевич, преувеличиваете. Ни в жизнь не поверю, чтобы император российский со старцем-побирушкой беседы вёл. О чём, дозволейте мне спросить, они могут беседы беседовать? – снисходительно проговорил Андрей Степанович.

– Видно есть о чём, коли слухи такие ходят, – твердил своё коллежский асессор. – не на пустом же месте, право слово, разговор пошёл.

– Ах, голубчик, – произнёс Андрей Степанович, – разговоры и мы разговариваем, но не всякий разговор есть правда. Пустое это всё, помяните мое слово.

– Это, сударь, право Ваше, за правду ли сей разговор принять, либо же позабыть о нём.

Андрей Степанович кинул карты на стол, поправил мундир и громко, так, что с соседних столов повернулись в их сторону, произнёс:

– Я офицер русской армии и не смею рассуждать! Будет циркуляр об этом старце, тогда и почту за честь почитать его как отца родного. А пока и разговаривать о нём не желаю!

– А что это Вы, Андрей Степанович всполошились? – ехидным голосом спросил Воецкий. – Уж не потому ли, что дочь Ваша с заговриком любезничает?

– Что Вы сказали, сударь? – взревел Андрей Степанович. За соседними столиками уже все оставили карты и с интересом наблюдали, пытаясь понять, отчего так кипятятся старики. Андрей Степанович стоял на ногах, схватившись за спинку кресла. Его бледное старческое лицо налилось кровью и противоестественно смотрелось в сочетании с бледностью кистей рук, с которых он уже снимал перчатки.

– А что мне объясняться? Сами спросите у дочери своей, Катерины Андреевны... – говорил Николай Григорьевич.

– Сударь, или Вы сей же час, сей же миг, объясните Ваши слова, либо же я брошу перчатку. – с этими словами Андрей Степанович сжал перчатку в правой руке, уставив взгляд на Воецкого.

– Ах, увольте, Андрей Степанович, какие из нас дуэлянты. Мы же с Вами и пистолет в руке не удержим, не то чтобы произвести выстрел, а Вы перчаткою бросаться вздумали. А ежели хотите объяснений, то пожалуйста, гляньте сами, вон Ваша Катерина Андреевна, – Воецкий кивнул головой в сторону танцующих, – танцует с кавалером. А кавалер никто иной, как Александр Фок, отставленный со службы прапорщиком. Тот самый, что стоял на Сенатской площади в декабре восемьсот двадцать пятого года и сейчас находящийся под надзором полиции.

Андрей Степанович в единый миг почернел лицом и схватившись за грудь, упал на стул.

*

– Извольте объясниться, сударыня, что это всё значит? – Андрей Степанович был вне себя от гнева, но говорил ровным и спокойным тоном, не показывая ни единым словом, ни интонацией своё душевное состояние.

– Что, папенька? Что я должна объяснить? – пролепетала Катерина.

– Извольте объяснить мне, как Вы, моя дочь, посмели приблизиться к этому человеку? Этому изменщику и заговорщику?

– О ком Вы говорите, папенька? – всё таким же тихим голосом произнесла Екатерина Андреевна.

– Я говорю о Вашем вчерашнем кавалере, о Фоке! – начиная закипать, – Или тебе не было известно, что он состоял в заговоре против нашего императора Николая Павловича?

Катерина потупила голову и уставилась в пол. Ей было известно, что Александр Фок, внук генерала Миллера, был блистательным гвардейским офицером и служил в Измайловском полку в чине подпоручика в Петербурге. Но, декабрьское происшествие восемьсот двадцать пятого года наложили крест на его стремительном восхождении по карьерной лестнице. Уличенный в связях с бунтовщиками, он был лишен офицерского звания и сослан рядовым солдатом на кавказскую войну. Однако и на Кавказе продолжал вольнодумствовать. И даже был привлечён к следствию за распространение среди офицеров и солдат книг с сомнительным содержанием. Следствие же не установило его причастность к распространению книг, но рапорт на имя императора был направлен. Пока шёл рапорт до столицы, пришёл указ о производстве его в чин прапорщика. В чине же прапорщика был отправлен в отставку, после того, как рапорт о следствии дошёл до стола нужных людей..

А Екатерине он был представлен по случаю проведения бала в доме Глуховых, богатая помещицья усадьба которых располагалась в двадцати верстах от Уфы, в селе Шемяк. Этот немолодой уже офицер понравился Екатерине Андреевне с первого взгляда. Не было в нем заносчивости и напускной важности отпрысков аристократических семей высшего света, к которому он принадлежал. Он приходился потомком Александру Борисовичу Фоку, сподвижнику Петра Великого и был в родстве с князьями и графами и не нуждался ни в деньгах

ни в связях. Александр превосходно держался на балах, изумительно танцуя и интересно излагал различные случаи из войны на Кавказе. Тем и взял Александр сердце молодой барышни, только-только вышедшей в свет.

– Стало быть, известно. – заключил Андрей Степанович. Он повернулся было к Анне Петровне лицом, но услышал тихий шепот дочери.

– Я люблю его, папенька!

– Любовь? – спросил Андрей Степанович – Что есть любовь?! А я скажу Вам, что нет никакой любви. Есть только животные чувства, возведенные в превосходную степень всяческими писателями романов для таких, как Вы, барышень и для томных воздыханий! У человека же есть только разум и он обязан следовать лишь его повелениям. И разум мой говорит мне, что нет места в нашем доме вольнодумцам! – Андрей Степанович севший было в кресло, встал и продолжил:

– Нет, этого допустить никак не возможно! Это какая нелепость! Любовь... – Андрей Степанович в сильном возбуждении фыркнул. – Так, – Андрей Степанович повернулся к супруге, и, пройдя несколько шагов своей старческой походкой к ней, сказал, – матушка, мы никак не можем позволить этому бунтовщику проникнуть в наш дом. Будь он сто крат внуком генерала и храбрым офицером, но пойдя против императора и своего сословия, он сам поставил себя вне нашего общества. Потому, не мешкая, завтра по-утру мы отправляем Катеньку в Степановку. Пусть там посидит в имении да понаберется ума-разума.

*

Александр Фок был в сильном недоумении, не приметив среди присутствующих на балу у Аничковых Екатерины Топорниной. Он подождал её некоторое время стоя в парадной и поняв, что её не будет на балу, пошёл в курительную комнату. У него пропала всякая охота танцевать и веселиться в её отсутствие.

Курительная комната, расположенная в самом дальнем углу дома, прилегая к флигелю, где проживала дворня. Достав кисет он набил трубку табаком, взял трубку в рот и запалив спичку, закурил. «Куда могла запропасться Катенька? Не приболела ли?» – вились в голове у отставного прапорщика тревожные мысли.

Александр, молодой человек, тридцати лет от роду, без ума влюбился в дочь подполковника Топорнина. Его бурная молодость, прошедшая в столице, а затем ссылка на Кавказ оставили мало места для любви. Он даже стал считать, что загрубел душой и ничто не способно пробудить в нём пылкие чувства.

Но эта девушка своей провинциальной непринужденностью и естественной чистотой души разительно отличалась от жеманных красавиц Петербурга и горячих восточных красавиц. Её ласковый взор, нежный говор и скромная улыбка выворачивали его нутро наизнанку. Волнение, охватывающее его при виде её, заставляло его сердце биться так, что казалось оно в сей миг разорвёт грудину, вырвется наружу и трепыхаясь в судорогах, само поползёт к ней, обливаясь кровью. Александр не знал, что чувствовала эта девушка к нему, покрытому ранами от сабельных ударов горцев, отставному офицеру. Но сам он был уверен в одном, что без неё вся его жизнь теряет всяческий смысл. Тем более теперь, когда он стал не нужен на службе Государю и Отечеству.

Докурив трубку Александр притушил её и вытряхнул пепел из неё в специально оборудованную урну, которая была выделана из целого куска мраморного камня и высотой была по пояс стоящему в рост человеку и изящно держалась на тоненькой ножке. Выходя из комнаты

он столкнулся с молодым Аничковым, который был вхож в дом Топорниных. Обрадовавшись подвернувшемуся случаю, Фок решил узнать о Екатерине от него.

– Честь имею представиться, Александр Фок, прапорщик Линейного батальона Оренбургского полка в отставке. – представился он Аничкову.

– Чем обязан, сударь? – несколько удивившись столь развязной манере общения, спросил молодой князь.

– Буду с Вами откровенен, милостивый государь, но я хотел узнать от Вас, отчего на балу отсутствует Екатерина Топорнина.

– Постой, – воскликнул Аничков, – так Вы и есть тот самый Фок, из-за воздыханий которого Андрей Степанович и сослал Екатерину Андреевну в имение, лишив нас удовольствия лицезреть на её красоту? – молодой человек рассмеялся и протянув руку, представился сам, а затем, пожав руку Александру предложить покурить вместе. Александр хотел было отказаться, но не решился нанести обиду своей неучтивостью этому молодому человеку, который открыл ему тайну исчезновения Екатерины. Поэтому он прошёл с ним вновь в курительную комнату и выкурил с ним ещё одну трубку. После завершения пустой светской беседы, он стремительно покинул бал.

*

Екатерина Андреевна скучая, бродила по пустым комнатам усадьбы, погрузившись в грустные воспоминания. Она, молодая, даже ещё юная, девушка влюбилась. Влюбилась, как это случается с каждым человеком, когда наступает пора перейти тот тонкий, незримый рубеж, который разделяет несмышленное дитя от человека, способного нести ответ за свои поступки, стало быть, взрослого человека.

Ей было совершенно безразлично, что говорят в свете про этого, как ей казалось, побитого жизнью человека, который через страдания и лишения смог сберечь свои принципы и веру. При этом для Екатерины очень важным представлялось именно то обстоятельство, что он, Александр, имеет принципы, дающие его жизни некий смысл и направление. А в чём же был смысл самих принципов и был ли он в них вообще она не задумывалась. Созданный её живым и ничем незамутненным воображением образ страждущего за благое дело человека был настолько притягательным, что теперь она жила только этим образом в сердце.

Неожиданно появившаяся тень, появившаяся из-за угла, заставила её замедлить шаг. Она успела сделать ещё пару шагов, как крестьянка-прислужница появилась вслед за своей длинной тенью, обычной для этого времени дня.

– Доброе утро, сударыня, – поприветствовала хозяйскую дочь прислужница и, попыталась сделать реверанс, как обучала их гувернантка, но это получилось крайне неуклюже.

– Благодарю, – ответила ей Екатерина. – И тебе тоже доброго дня, дай Бог! – при этом, она мечтательно посмотрела куда-то вдаль что-то проговорив про себя а затем быстро перекрестилась, повернувшись в сторону, где стояла церковь.

– А я Вас разыскиваю. – вдруг украдкой прошептала прислужница, словно кто-то за ними приглядывает. А затем подошла к Екатерине и стала поправлять её платье. И в какой-то миг сунула в её руки лист бумаги.

Екатерина удивилась было, но внезапная догадка, судорожно промелькнувшая в её голове, заставила забиться её сердце, отчего заволновалась кровь в жилах и это волнение приятной истомой обволакивало всё её нутро.

– Откуда? – спросила Екатерина, понявшая, что это письмо от её любимого. «Он рядом! Он здесь!» – радостно подумала Екатерина.

– Не ведаю я, сударыня. – потупив взгляд проговорила прислужница. – Мне велено лишь передать Вам.

Екатерина же уже развернула листок и стала с прежним волнением торопливо читать.

«Душа моя, Екатерина Андреевна!

Спешу уведомить Вас, что моё сердце, душа и тело всецело навеки вечные отданы лишь Вам одной и никакие препятствия не остановят меня на пути к Вам. Ежели будет Вам угодно, я, вопреки запретам Вашего батюшки, Андрея Степановича, решусь ворваться в его имение и освободить вас из плена. Ваше слово, Екатерина Андреевна и я не медля буду у Ваших ног!

Ваш покорный слуга, А.»

Читая эти строки у Екатерины Андреевны затряслись руки и на глазах проступили слёзы. Она поднесла листок к губам и со всей нежностью, на какое только способно любящее сердце, поцеловала его. Она прикрыла глаза и не смела оторвать свой поцелуй от листа. Простояв так несколько мгновений, она вдруг вспомнила, что прислужница стоит рядом и от этого смутилась. Ей подумалось, что не следовало бы показывать свои чувства при человеке низшего сословия, однако заметив, что та стоит спиной к ней, успокоилась.

– Постой тут, я сей же миг! – приказала она прислужнице и шурша платьем быстрым шагом направилась в свою часть дома.

Войдя в свою комнату она торопливо подошла к столу и села за него. Затем она достала из выдвижного ящика чернильницу, перо и чистый лист бумаги. Обмакнув перо в чернильнице она стала писать ответ Александру.

*

Получив письмо от своей возлюбленной, Александр обрадовался и озадачился одновременно. Рад был он тому, что его чувства, столь неожиданно проявившиеся в нём, были взаимны. Озадачен же был тем, что Екатерина не приняла или же не поняла его намека на побег и тайное венчание.

«Милостивый Александр Александрович! – писала Екатерина, в своём письме, – Не смею отрицать, что и Вы не безразличны мне. Скажу более. Я готова ждать встречи с Вами хоть до скончания века. Но не смею я перечить отцу своему и маменьке. И говорю Вам, что отец мой хоть и скор на руку, да отходчив. Тешу себя надеждой, что спустя короткое время от простит нас и наши злключения благополучно завершаться. Навеки Ваша Е. А.»

А Александр же не знал, как возможно добиться прощения Андрея Степановича, который, говорят, слово дал, не пускать в свой дом людей замешанных в происшествии декабря восьмьсот двадцать пятого года. А слово дворянина это его честь. А с честью не шутят. Только смерть может быть оправданием для не выполнения слова...

«Какое может быть прощение, если император сам до сих пор не соизволит полицейский надзор надо мною учиненный, снять? – горестно размышлял Александр, – А это подтверждение того, что я есть лицо неблагонадёжное. И всякий, кто посмеет иметь со мною иметь всякое, хоть даже самое малое дело, будет причислен к этому же кругу лиц.»

А мог ли он поступить иначе, тогда, во время декабрьского восстания? Когда он ходил по казармам со своими товарищами и уговаривал солдат выступить вместе с ними против, как они объясняли солдатам, узурпатора, великого князя Николая Павловича. Сам Александр и остальные офицеры-заговорщики были прекрасно осведомлены, что Константин Павлович, следующий по праву престолонаследник, уступил престол своему младшему брату, подписав

в его пользу отречение. Но эта некая неопределенность с престолом, возникшая после смерти императора Александра I, дала в руки заговорщикам возможность проявить себя и выступить, обманом вовлекая солдат в свои ряды. Им почти удалось свершить задуманное, но нерешительность заговорщиков, вовремя не арестовавших членов царской семьи, а также их нежелание взять в руки общее руководство восстанием после предательства князя Трубецкого и ещё нескольких основных деятелей заговора, не явившихся на Сенатскую площадь, свело на нет все их усилия. Выстроившиеся в каре солдаты отбили две кавалерийские атаки. Заговорщиками был убит генерал-губернатор Петербурга Милорадович, герой Отечественной войны, который, понадеявшись на свое влияние в гвардии, выехал к ним в одиночку и попытался привести солдат к повиновению. Но картечь артиллерии сделала своё дело, солдаты не выдержали и побежали. Всё было кончено...

Александр и сейчас считал, нет, был уверен, что поступал тогда правильно. Идеи заговорщиков, стремившихся изжить самодержавие и дать волю крестьянам, привлечь широкие слои русского народа к управлению государством, чтобы многие умы могли принять участие в обустройстве России, были близки взглядам самого Александра.

Немного отойдя от тяжелых воспоминаний, Александр перешел в мечтательное состояние души. «Эх, обвенчаться бы мне с любезной Екатериной Андреевной, да поселиться в деревне. Я б жизнь крестьянскую намного лучше нынешней завёл. Установил бы общежитие, как в книжках, чтобы страсть к людскую к имуществу побороть. От того, что ходит среди мужиков ревность к чужому счастью и алчность, все беды и происходят. А когда все равны, у всех единое имущество, тогда и лишнего никому не надо. То что твоё и не твоё вовсе, а общее. И всегда дела вершить сообща.» – как решенное дело, заключил в своих мыслях Александр.

«Однако, как же повстречаться мне с Екатериной Андреевной?» – вновь вернулся к своей прежней мысли Александр...

*

А Екатерина Андреевна томилась в имении, целыми днями напролёт проводя в рукоделии. Услужливые крестьянки обучали её обращению с веретеном и тканями, пальцами и нитями. По памяти она шила на куске атласной ткани портрет своего возлюбленного. В ясные, морозные дни, когда лучи яркого солнца, падая на снег, отражались от него множеством искринок, ослепляя глаза, она выходила на прогулки. Укутавшись в шаль, она подолгу стояла на крутой, всматриваясь вдаль, а затем тяжело вздохнув, возвращалась в дом.

В один из дней, под самые рождественские праздники к усадьбе подъехали сани, груженные какими-то деревянными коробами. На санях сидели два человека. Один из них, возница, заросший бородой, с длинными волосами, лохмотьями свисающими из под шапки, которая была нахлобучена по самые глаза, слез с саней и подойдя к кучеру, что-то спросил. Кучер же отвечая, замахал руками и показал на дом. На шум их разговора из конюшни вышли ещё два крестьянина, занимавшихся ремонтом кареты, на которой приехала Екатерина Андреевна.

Сама же Екатерина, стоявшая у окна, заметив дворовых людей, о чем-то оживленно переговаривающихся с возницей, решила выйти и разузнать о причине случившегося, а заодно подышать воздухом. Она быстро накинула на плечи теплую накидку, поданную ей служанкой и вышла на улицу.

– Что приключилось, Евграф? – окликнула она управляющего, который тоже вышедший на шум, стоял среди переговорщиков. Управляющий был недавно куплен Андреем Степановичем у своих родственников из Симбирской губернии и отличался от прочего крестьянского

люда хорошим знанием грамоты и умением ловко управляться цифрами, складывая и отнимая в уме.

– Вот, Екатерина Андреевна, эти люди говорят, что подарок изволили Вам привезти.

– Как есть правда, – подтвердил возница. – Вот те крест! – возница перекрестился и продолжил, – Велено передать на праздник Рождества Христова подарок- говорил возница, сильно окая. – Так и сказано, Екатерине Андреевне.

– Так несите в дом подарок, что же ждешь, Евграф?

– Его превосходительство Андрей Степанович крепко наказывал никого постороннего не пускать – возразил управляющий.

– Какие же это посторонние, – притворно удивилась Екатерина, догадываясь, от кого мог поступить подарок. – Это же посыльные. Люди, можно сказать состоящие на службе. Их дело передать, что велено да ступать прочь после исполнения. Так, что Евграф, не препятствуй, а лучше пособи перенести подарок в дом. Что там в коробах? – обращаясь к вознице, спросила Екатерина.

– Откель мне знать, барышня? – удивленно спросил возница. – Моё дело привезти.

– В коробах находится фортепиано, – подал голос второй человек, до этого молчаливо сидевший на санях и наблюдавший за происходящим. Он был довольно прилично одет и из под верхнего отворота шинели гражданского чина, поверх которого был накинут тулуп, черный торчал галстук-бабочка. – Я же учитель музыки и обязан оказать помощь в настройке инструмента и дать несколько уроков по пользованию им. Если будет дозволено, то прошу именовать меня Иохимом, как изволили прозвать меня господа.

– А чьих будешь? – спросила Екатерина Андреевна.

– Холоп Аничковых, сударыня, – отозвался музыкант.

– Аничковых? – теперь уже действительно удивилась Екатерина Андреевна. Ожидавшая иного ответа, она сейчас была обзадачена. Догадка, которая было окрылила её, оказавшись ложной, заставила её вновь принять безучастное выражение лица и былой интерес к подарку улетучился, как предраассветный туман. Она посмотрела на людей, стоявших и ждавших её решения и со вздохом произнесла – Несите уж, коли привезли.

Она повернулась и пошла обратно в дом. Поднимаясь по лестнице она всё же остановилась и решила посмотреть на инструмент, который в Европе вытеснил клавикорд и клавесин из модных салонов. У Екатерины же в комнате стоял клавесин, который своим немного резковатым звуком, разрезал вечернюю тишину, когда она садилась музицировать.

Мужики, затащившие тяжеленный короб, кряхтя, остановились у дверей, не решаясь пройти дальше и держали здоровенный короб в руках за приделанные по бокам ручки.

– Куда тащить, Екатерина Андреевна? – послышался из-за спины мужиков, голос управляющего.

– А поставьте прямо в залу. Да смотрите, паркет не по-портьте, бездельники. – нехотя проговорила она и поняв, что установка инструмента займет много времени, сказав управляющему, – Когда будет готово, доложите, а я пока пойду к себе. – стала подниматься по лестнице.

– Ах, Екатерина Андреевна – прозвучал вдруг знакомый голос. Его голос! – Извольте не беспокоиться.

Екатерина резко оглянулась, пытаясь понять, откуда он прозвучал, но внизу были лишь мужики, пыхтя, несущие свою ношу в зал. Она, подумав, что это ей почудилось, держась за поручни, пошла дальше по лестнице.

Она дошла до своей комнаты, и, открыв дверь, посмотрела назад, отчего-то надеясь, что голос был в самом деле, а не был плодом её воображения и что сейчас появиться её воздыхатель. Но коридор был пуст и свет, заливающий его из больших окон, ясно указывал, что даже

в потаенных местах не может кого-либо быть. Екатерина вновь обреченно вздохнула и пошла в свои покои.

Зайдя, она подошла к клавесину и указательным пальцем коснулась клавиш. Она задумчиво отстукивала, выбивая из инструмента звуки, которые, появляясь одна за другой и сливаясь в единое, становились мелодией. Так она простояла некоторое время, прислушиваясь к звукам, а затем села за стул для музицирования и принялась играть, пытаясь отринуть грустные мысли прочь.

Но не успела она как следует увлечься игрой, как услышала шаги, шедшего по коридору человека. «Быстро управились.» – успела подумать она и дверь распахнулась. Увидев бородастого мужика, возницу, вместо ожидаемого управляющего, она сильно удивилась.

– Что тебе надобно? – требовательно спросила она.

– Душа моя, Екатерина Андреевна, здравствуй! – неожиданно, милым для сердца юной девицы голосом, ответил мужик.

Екатерина всмотрелась в мужика и увидела шрам на лице, который едва пробивался из-под бороды. Шрам, который, как говорил Александр, появился у него после схватки с горцем, который полоснул его по лицу длинным кинжалом, больше смахивающим на короткий меч. Теперь же этот шрам был знаком для Екатерины, что перед нею стоит её суженный.

– Решились таки, Александр Александрович... – прошептала Екатерина и словно полетела, а не пошла, навстречу Александру, который тоже уже несся к ней.

Влюбленные, подбежав, взяли за руки и зачарованно глядя в глаза друг друга, обнялись. При этом Александр, будучи отродясь высоким и сухопарым человеком, склонился, ссутулившись, над Екатериной, которая на цыпочках тянула руки к лицу любимого.

– А я не признала вас в этом наряде, сударь, – произнесла Екатерина, проведя ладонью по лицу Александра, а затем опустив руку, положила её ему на грудь. Она потрогала бороду и ужаснулась. – Настоящая борода! – и оттолкнувшись от кавалера, отбежала на пару шагов назад и пристально уставилась на Александра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.